

«Фоменки» и другие

За рубежом. — 1997. — 22-28 авг. — с. 14, 15
Жан-Лум ПЕРРЬЕ

МОСКВА строит театры. В настоящий момент два бывших кинотеатра переделывают для двух ведущих театральных режиссеров — Анатолия Васильева и Петра Фоменко. В целом же по России с начала перестройки открылось около сотни новых театров. Значит, деньги находятся, хотя подчас и трудно определенно сказать, как велик вклад меценатов. Тем более не всегда и понятно, какой интерес для бизнесменов может представлять театральное искусство. Сказанное, впрочем, не относится к Центру имени Мейерхольда, руководимому Валерием Фокиным, представившим на фестивале спектакль «Гостиничный номер в городе №». Участок земли ему предоставили городские власти, а строительство взял на себя банк, намеревающийся поселиться с ним под одной крышей, благодаря чему сможет пользоваться существующими налоговыми льготами. Оказывается, театр может стать весьма выгодным делом. Расположенные в

«стратегических» точках московского центра, театры вызывают пристальный интерес со стороны «новых русских». Под их натиском не устоял даже Московский художественный театр, основанный сотню лет назад Станиславским и расположенный в двух шагах от московских «Елисейских полей» — Тверской улицы. В театральных коридорах отныне ежедневно нос к носу сталкиваются две России. Первый этаж здания занял ресторан, по европейским стандартам довольно средний, хотя стоимость одного его блюда равна недельному актерскому заработку. Здесь же приютилось нечто вроде казино с выставленными у входа игральными автоматами, призывно мигающее неоновыми огнями. Сразу у входа поселился пункт обмена валюты. На втором этаже расположилась фирма по продаже сотовых телефонов. Похожая картина и в театре «Ленком». В актерской фойе теперь устроен бар-ресторан, интерьером и шикарными костюмами посетителей ничем не отличающийся от самых модных местечек где-нибудь в Сохо. В дни премьер цена на билеты в этом театре дохо-

ДВА ЛИЦА

дит до 100 долларов, так что сливкам «нового русского» общества, очевидно, приходится приезжать сюда не иначе как в бронированном автомобиле. Поскольку в России нет традиции посещения оперы, то самым престижным местом стали драматические театры. Частично этим объясняется повышенный интерес к театральным подмосткам со стороны крупных банков. История же московского театра

царит настоящая нишета. На грязных стенах подтеки и следы плесени. Вокруг полвекашного к потолку сооружения, отдаленно напоминающего люстру, кружат комары. В зрительном зале все трещит и шатается, и лишь сцена как будто держится прочно.

«Фоменки» (бывшие ученики Петра Фоменко) играли в этот вечер перед переполненным залом, захолажившим в счастливом смехе, пьесу-бурлеск «Ночь королей». Этот спектакль, поставленный режиссером Евгением Каменьковым, объединил всю труппу. С 1990 года сыграно уже более 250 спектаклей. За час до поднятия занавеса молодые актеры еще раз проходили отдельные сцены, нарочно путаются и хохочут. «У нас здесь что-то вроде семьи», — едва отдышавшись от смеха, говорит один из них. — Мы понимаем друг друга с полуслова, заряжаем энергией, и она потом обязательно перетекает в работу». «В этом спектакле есть нечто мистическое», — добавляет режиссер. — Мы уже хотели снять его с репертуара, но зрители постоянно требуют, чтобы мы играли его вновь и вновь».

Театр юного зрителя в советскую эпоху считался театром «для школьников», актерская же труппа в основном состояла из 40-летних актеров. Сегодня здесь играет молодежь. Решительный поворот свершился с первым же дуновением перестройки, когда Генриетта Яновская поставила на его сцене спектакль «Собачие сердца». Сегодня главный режиссер ТЮЗа предлагает зрителям новую прекрасную работу — пьесу «Гроза» (Островский вообще стал в нынешней России едва ли не самым популярным драматургом). Супруг Яновской, режиссер Кама Гинкас, также поставил спектакль «К.И. из «Преступления» по мотивам «Преступления и наказания» Достоевского. Это скорее даже отдельные эпизоды из романа, скомпонованные в драматическое произведение сыном Яновской и Гинкаса. В директорском «семейном» кабинете стены украшены фотографиями Станиславского, Булгакова, Иосифа Бродского

(с которым в юности дружил Кама Гинкас) и Сахарова. Кстати, первое публичное выступление лауреата Нобелевской премии мира в Москве и его же перь статья посвящались как раз «Собачьему сердцу». Как и многие русские режиссеры, Кама Гинкас ныне больше работает за границей, нежели в Москве. Это, впрочем, не мешает ему пристально следить тем, как идет работа над «Преступлением», «потому что каждый спектакль нужно играть так, будто он премьерный: Гинкас по-прежнему «погоняет» своих медлительную, на его взгляд, актрису Оксану Мысину, чтобы она «завела зритель». Пройдет какой-нибудь час, и из них (больше в зал не помещается) сбебурются на скамьях в фойе, превратившись в обвиняемых. Затем их буквально затолкнут в маленький белый зал под сеной крышей, где они станут одновременно и свидетелями, и виновниками «мирного приступа эпилепсии».

Кабинет Валерия Фокина находится в здании Дома актера на Арбате. Дом этот сам по себе заслуживает посещения, хотя и ему в последнее время приходится отступать под натиском рынка. Парадные подъезды больше не выходят на знаменитую пешеходную улицу. Первый этаж занят магазином беспощадной торговли, пунктом обмена валюты. В ожидании своего театра, в котором также разместится и Центр имени Мейерхольда, основанный в 1992 году, чтобы «способствовать продвижению всего нового» в области культуры и изучать творчество Мейерхольда, Валерий Фокин ставит Гоголя. Достоевского и Кафку с разными труппами и в разных залах.

Он тоже удивлен тем, что за последние два года интерес москвичей к театру буквально возродился: «Раньше людей поощало то, что происходило на улицах, а сегодня они сыты политической горло. Они вновь идут в театр, чтобы обрести здесь иллюзии, которые им ближе и роднее реальности. Залы полны именно потому, что и после перестройки продолжалось рождение новых театров. При этом старые театры не закрывались. Каждый находит своего зрителя, будь то скромная экспериментальная студия или крупная академическая сцена. Причем качество актерской игры гораздо выше среднего мирового уровня».

Птенцы обретают крылья

В РОССИИ ГИТИС — то же самое, что в Париже Высшая театральная школа. Ректор театрального института Сергей Исаев принимает гостей с радужным и непод-

дельным интересом: Горячий поклонник Франции, прекрасно владеющий французским языком (ему принадлежат переводы Арто и Кольтеса), он был избран на пост ректора в 1988 году. Радужась нынешней свободе, он тем не менее скорбит о минувших временах, когда ректору высшей театральной школы не приходилось думать о ее финансировании. Сейчас институт самостоятельно изыскивает средства к существованию. Одним из них стало создание мастерских в разных уголках страны, где преподаватели ГИТИСа обучают желающих актерскому ремеслу. Такая мастерская есть даже в Сургуте, богатом нефтью сибирском городе (население 260 тысяч человек).

ГИТИС — крупнейшее учебное заведение (1,5 тысячи студентов), созданное еще в 1878 году. Сегодня здесь действуют восемь факультетов: режиссерский, актерский, театроведения, продюсерский, билетный, эстрадный, оперетты и сценарный. На каждом факультете несколько мастерских. Будущие режиссеры (5-7 человек) и актеры (обычно 15) все четыре года (а режиссеры — пять) будут расти «под крылом» одного руководителя мастерской. Обучение построено на тесном контакте между студентами и преподавателями.

В формировании студентов Петром Фоменко и Анатолием Васильевым представлены два разных полюса. «Взглянув только на студента, я уже могу сказать, из чьей он мастерской», — говорит ректор. — Ученики Васильева выглядят старше и «интеллектуальнее». Ученики Фоменко более молодые». Оба мэтра считают себя последователями Станиславского. «Фоменко — поэт. Его гениальность в том, что он дает работать другим, даже если с ними не согласен. Он умеет создавать творческую атмосферу. В какой-то степени это связано с тем, что в советский период многие его спектакли были запрещены», — считает его ученик, режиссер Евгений Каменьков. — «Фоменкам» уже ни за что не надо было бороться. Новые ценности они находили в искусстве. И у них просто вырастали крылья. И в физическом, и в моральном смысле. Учебная сцена и класс стали для них малыми. Они с легкостью проходили сквозь окна. И она не покинула их и поныне».

Прошло четыре года, и сегодня ГИТИС готовит новый выпуск «фоменков». От прошлого ребат отличает лучшее владение техникой актерского мастерства и возросший профессионализм. А Петр Фоменко мечтает, чтобы оба его выпуска подружились, дав друг другу тем самым новый импульс к развитию.

Кама Гинкас ставит больше за границей, чем в Москве.

вообще всегда отличалась сложностью. Прежде театр никогда до конца не покорялся политическому диктату, да и теперь он не желает поддаваться диктату рубля (или доллара), хотя отголоски этой «международной комедии» все слышнее и здесь.

Театральную сцену ГИТИСа расположили в паре минут ходьбы от одноименного института, отделив от театра «Ленком» как будто лет 50. ГИТИС соседствует с первым «Русским бистро», своего рода российской попыткой воспроизведения «Макдоналдса» (минуя мрамор и гигантские размеры), где за скромную плату можно полакомиться вкуснейшими пирогами, запивая их пивом или водкой. Миновал монументальный театральный подъезд, оказавшись прямо перед окошком кассы, откуда рука невидимой кассирши протягивает вам билет. Афиши спектаклей печатает созданная полвека назад типография, поэтому слова в них расплываются цветными пятнами... Вестибюль очень напоминает раздевалку в бассейне. Оказывается, прошлой ночью театр затопило. В фойе